

Шемонаев Тимур Игоревич

Феноменологическая проблематика положений вещей и хроно-логика их дескрипции и интерпретации в истории западноевропейской философии

09.00.03 – история философии

Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук

Екатеринбург 2008

Работа выполнена на кафедре истории философии философского факультета ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
СУСЛОВ Николай Владимирович.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор ШИТИКОВ Михаил Михайлович;
кандидат философских наук, доцент ОХОТНИКОВ Олег Валентинович.

Ведущая организация:

филиал ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы» в г. Нижний-Тагил.

Защита состоится “18” сентября 2008 г. в 15 час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан “17” августа 2008 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор философских наук, профессор

В.В. Ким

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

Обращение к историко-философской проблематике предполагает не только анализ учений отдельных мыслителей и их школ, но и рассмотрение направления движения философской мысли. Очень значимым элементом второй составляющей является, поэтому, рассмотрение истории анализа проблем от начала их формирования и до современной ситуации решения этих проблем. В соответствии с названием диссертации, она не является гносеологическим исследованием проблемы «положений вещей» в феноменологической проблематике, но исследованием *истории анализа проблемы* значения этого понятия в рамках феноменологической проблематики западноевропейской философии. Эта история не ограничивается *специально* феноменологической проблематикой, наоборот – речь идёт о том, что сама проблематика положений вещей, при обращении к ним через непосредственный *доинтенциональный* опыт различения и основанный на нём *интенциональный* опыт понятийного синтеза, по сути своей требует феноменологического метода исследования. Понятие же «феноменологическая проблематика», означает форму философского дискурса, в которой, прежде всего, осуществляется обращение к дескриптивному анализу этого опыта различения и понятийного синтеза.

Значение понятия «положение вещей» было предметом анализа в ранней феноменологии начала XX века в Австрии и Германии. Однако проблематика понятий, тождественных по значению «положениям вещей», была разработана уже в концептуалистском направлении ранней схоластики, например, у Петра Абеляра и Гильберта Порретанского, а также в позднем концептуализме – у Дунса Скота и Григория из Римини. Поэтому в истории анализа проблемы положений вещей, схоластический концептуализм будет рассмотрен как направление, соответствующее начальному периоду её формирования. Далее, вплоть до XX в., значительных примеров тематизации положений вещей не существовало, за исключением теории «истин в себе» Б. Больцано. Но, во-первых, его теория почти без изменений перешла через Brentano¹ к Гуссерлю, Штумпфу и Майнонгу, в виду чего в пределах ограниченной по объёму работы, достаточно будет рассмотрения этой проблематики у Гуссерля и его мюнхенских последователей. Во-вторых, больцановы «истины в себе» в основном относятся к логической и математической предметности, почти не относясь к повседневности нашей «фактической жизни», имеющей большое значение в дескриптивном анализе сознания как непосредственного опыта. В XX-м веке, помимо представителей феноменологической традиции, это понятие использует Витгенштейн и ряд представителей англоязычной аналитической философии. Но они рассмат-

¹ Хотя для самого Brentano было неприемлемо наличие какой-либо предметности, кроме физической и психической.

ривают его с объективной точки зрения в контексте внешних условий наличия положений вещей, не проводя при этом анализа актов их различения и понимания и, тем самым, не касаясь собственно *феноменологической* проблематики положений вещей, а значит и её сущности. Что же касается Гуссерля, то у него более всего, понятие «положения вещей» анализируется во II-м томе «Логических исследований» (*ЛИИ*), где этот анализ помещён в более широкий контекст анализа интенциональной структуры актов сознания. Однако, кроме Гуссерля, «положения вещей» исследовали почти все представители мюнхенской школы феноменологии, особенно А. Райнах, А. Пфендер и Д. фон Гильдебранд. После же раннего этапа «феноменологического движения», уже в период «феноменологической весны» во Фрайбурге, это понятие почти исчезло с феноменологического «горизонта». Однако косвенно, проблематика положений вещей проявилась в концепции онтологической герменевтики раннего Хайдеггера, существующей «внутри» проекта его «фундаментальной онтологии», всё-таки сохранившего в своей основе традиционный феноменологический метод, который предполагает начало исследования с наиболее очевидно и непосредственно данного, каковым является опыт бытия *Dasein* и его сущностные экзистенциалы.

Непосредственно связанными с «положением вещей» понятиями являются «описание» и «интерпретация». Последняя, подразумевает постановку вопроса о границах, в которых она ещё соответствует «самим вещам», и об условиях «перехода» этих границ. Речь идёт об условиях интерпретации, следующей непосредственному *опыту различения* самих вещей, и об интерпретации, «*деформирующей*» этот опыт собственной логикой понятийного синтеза. Дескриптивное и интерпретативное понимание положений вещей осуществляется в различающе-синтезирующем опыте сознания, т.е. в *хроно-логике, представляющей собой непосредственный способ существования сознания в мире*. Сознание в его отношении к миру собственно и есть хроно-логика, т.е. единство опыта различений, являющегося тем, что абстрактно и метафорически обозначают понятием «время», и опыта спонтанного понятийного синтеза². Сознание названо хроно-логикой исходя из его описания как непосредственного опыта и *без* подведения под чисто понятийные конструкции. Вопрос о сущности сознания ставится здесь как вопрос о сущности опыта, о первичном опыте, который выступает как условие возможности любого другого опыта, с необходимостью реализуется в любом другом опыте и непосредственно доступен каждому – как простейший, но, тем не менее, редко тематизируемый опыт различений. Но поскольку сознание не может быть *только* «машиной различений», постольку всякий опыт различений переходит в опыт понятийного синтеза, в котором осуществляется, в

² Спонтанный синтез различия и значения понятия в феноменологической проблематике, отличается от кантовского спонтанного синтеза чувственных созерцаний и понятий рассудка тем, что феноменологически любое понятие есть результат предыдущего опыта сознания и, соответственно, по сути своей не априорно. Кроме того, с феноменологической точки зрения, вещь, различаемая в опыте, есть именно *сама вещь* как она есть, а не кантово «явление» (*Erscheinung*), данное нам посредством «априорных форм чувственности».

свою очередь, опыт тождества предмета или положения вещей. Тождества, возникающего в опыте идентификации различия и имеющегося, в силу предыдущего опыта, значения понятия. В опыте синтеза различий и понятий, по природе своей *не* априорных (в кантовом смысле), играет значительную роль также и опыт памяти (можно сказать, «оперативной» памяти). Намеренно же отказываться от тематизации сознания – значит игнорировать непосредственный опыт, из которого оно никогда не устранимо, поскольку и сомнение, и разочарование в сознании с необходимостью его предполагают, т.к. и то и другое является его модусами.

«Сознание неустранимо из любого вопроса о человеческом сознании и из вопроса о человеческом бытии. Вопрос, вопрошание – это также модус сознания. И когда утверждают, что само бытие, сам предмет или сама ситуация нас спрашивают, то забывают (а забвение – это также модус сознания), что в этом вопросе бытие, предмет, ситуация уже различены – “бытие от сущего”, предмет и ситуация от другого предмета и другой ситуации. И, если даже (принимая определённый язык) полагать что бытие нас спрашивает, то понимание вопроса бытия есть также модус сознания, первичной “субстанцией” которого является различие, различение»³. деятельности хроно-логики

Сознание, проявляющееся в своих модусах, ни в коем случае здесь не субстантивируется. Оно не есть вещь или положение вещей, не есть набор свойств или качеств, но сознание различает вещи, их свойства, отношения и положения вещей. Модусы сознания есть его проявления как непосредственного опыта различения и понимания, т.е. хроно-логики. Можно сказать, что модусы сознания – это *результаты* деятельности хроно-логики. Однако сознание, различающее в себе виды опыта, включает и его деформации, обусловленные всевозможными понятийными конструкциями, фантазиями, воспоминаниями, прожектами, которые вытесняют и заменяют непосредственный опыт. Деформации опыта становятся недоступными самому различению, они не опознаются как таковые, вследствие чего результаты опыта принимаются за его источник, сам же опыт – за продукт понятий. При этом в философии возникает множество проблем, связанных с вопросами: единства сознания; классификации модусов сознания, например первичности воли или представления; отношения сознание/тело, сознание/социальность, сознание/бессознательное; соотношения сознания и значения, знака, символа; сознания и субъективности/интерсубъективности; сознания и идеологии и пр. Соответственно все решения этих вопросов предлагают концепции определённой обусловленности сознания, однако, забывая при этом сказать, что же здесь, собственно, обуславливается. Показывая, что сознание не есть парящая над миром субстанция, «делают» сознание принципиально недескриптивной сущностью, обусловленность которой следует обязательно доказать или же признать её небытие. Различие же между типами обусловленности есть дело *опыта сознания*. Если же говорить о социальной обусловленности самого этого различия, то следует

³ Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004. С. 52.

иметь в виду, что в социальном опыте тоже «присутствует» сознание. К тому же забывают о собственном сознании, создающем концепции обусловленности или полной редукции (*не* в гуссерлевом смысле) сознания. Поэтому анализ истории феноменологической проблематики положений вещей и хроно-логики их дескрипции и интерпретации необходим не только в связи с феноменологической максимой «к самим вещам», возвращающей нас к непосредственному опыту сознания, но и в связи с тем, что феноменологическая рефлексия и редукция приостанавливают обычный ход вещей «естественной установки», скрывающей и закрывающей доступ к факту искусственности и вторичности синтеза относительно различения, как первичного и непосредственного опыта и способа существования сознания в мире. И также искусственности и вторичности тождества как продукта синтеза, относительно различия, как первичного результата опыта. Естественно, что синтез и тождество неизбежны для сознания как естественные способы сохранения, накопления, и использования его опыта, но при этом необходим и метод, позволяющий не терять из виду «сами вещи» и не вытеснять их опыт способами его сохранения и использования.

Итак, актуальность диссертации определяется в следующих аспектах:

1. В теоретическом: **А)** «положение вещей» является одним из центральных понятий феноменологической проблематики, конституирующих её сущность. Поскольку же феноменологическая проблематика (а не только традиция, зародившаяся в начале XX в.) является крайне важной составляющей западноевропейской философии, восходящей, в её истории, к средневековой и отчасти античной традиции, то исследование *истории анализа проблемы положений вещей* имеет большое значение для целостного представления об истории классической и современной философии. **Б)** Так как предметом любого философского дискурса являются те или иные положения вещей, то понятие хроно-логики как основания их дескрипции и интерпретации, весьма важно в своём *методологическом* аспекте для историко-философского исследования, поскольку позволяет выявить причины основных тенденций мышления в различных формах этого дискурса. **В)** Понимание сознания как хроно-логики позволяет сохранить и тематизировать сознание как предмет философского дискурса в отличие от ситуации в онтологической герменевтике и постнеклассической традиции философии.

2. В практическом аспекте, выходящем за внутренние пределы, как феноменологической проблематики, так и философии вообще, исследование хроно-логики дескрипции и интерпретации положений вещей весьма важно для понимания причин возникновения, функционирования или кризиса разного рода мировоззрений и идеологий, поскольку любое мировоззрение и тем более любая идеология – это интерпретация наличествующих положений вещей, а конфликты мировоззрений и идеологий – это, прежде всего, конфликты интерпретаций.

Степень разработанности проблемы.

Литература, посвящённая феноменологической проблематике, обширна и не поддаётся исчерпывающему анализу. Впрочем, такой анализ привёл бы к потере самого предмета исследования. Однако большая часть литературы немецких, французских и других исследователей остаётся вне поля зрения в связи с её недоступностью. В тех же работах, которые всё же доступны, преследуются, в основном, другие цели и задачи, чем в настоящем исследовании. Материал именно по проблеме анализа *положений вещей* в феноменологической проблематике, а тем более по тематизации отношения непосредственного опыта различения и синтеза, очень разрознён и малодоступен. Если в какой-либо комментаторской литературе понятие положений вещей и упоминается, то весьма кратко, и при этом не проводится развёрнутого выявления сущности этого понятия и его проблемы в феноменологической проблематике. Соответственно, в процессе настоящего исследования приходилось опираться в основном на сами источники. Литературу же, в той или иной степени касающуюся темы диссертации, можно разделить по четырём аспектам, в зависимости от степени общности или конкретности относительно этой темы.

1. Для истории анализа проблемы положений вещей в феноменологической проблематике актуальны исследования, проводившиеся как самими феноменологами и историками феноменологического движения, так и медиевистами. Среди исследований по феноменологической проблематике как таковой, можно отметить работы Г.Г. Гадамера, Р. Ингардена, К.-О. Апеля, Е. Финка, П. Прехтля, П. Рикёра, Ж. Бофре, Ф. Везена, И. Керна, Г. Шпигельберга, Х.Р. Зеппа, Й. Зайферта, В.Ф. фон Херрманна, Т. Кизеля, Ж. Грондена, М. Вишке, Ж. Деррида, В.И. Молчанова, А.В. Михайлова, И.А. Михайлова, А. Чернякова, И. Инишева, К.С. Бакрадзе, В.В. Бибихина, В. Калиниченко, Я.А. Слинина, Ю.В. Перова, И.С. Вдовиной Н.В. Мотрошиловой.

2. Феноменологической проблематики *положений вещей*, в некоторой степени касаются исследования Ж. Геринга, Л. Ландгребе, Э. Вальденфельса, Г. Шпигельберга, Й. Зайферта, Ж. Грондена, К.-О. Апеля, В. Куренного, В.И. Молчанова, Н.В. Мотрошиловой.

3. Среди медиевистов, исследовавших соотношение средневекового концептуализма и феноменологической проблематики, в первую очередь это – Ален де Либера. Также стоит отметить Э. Жильсона, Ж. Жоливе, С.С. Неретину. Из текстов исследователей принадлежащих к феноменологическому направлению, писавших об этом же соотношении, можно назвать некоторые работы И.С. Вдовиной.

4. В рамках феноменологической проблематики, анализу дескрипции и интерпретации положений вещей на основе тематизации сознания как непосредственного опыта различений посвящены, прежде всего, работы В.И. Молчанова «Различение и опыт: феноменология

неагрессивного сознания» и «Аналитическая феноменология в Логических исследованиях Эдмунда Гуссерля». Также можно отметить тексты Ж. Грондена, В. Куренного.

5. Тема же исследования сознания как *хроно-логики* в качестве основания дескрипции и интерпретации положений вещей и методологического принципа анализа тенденций мышления в различных формах философского дискурса, ещё не имеет в литературе какой-либо разработки.

Цель исследования: история анализа проблемы положений вещей в феноменологической проблематике западноевропейской философии и тематизация сознания как хроно-логики, для выявления оснований тенденций мышления в различных формах дискурса в истории западноевропейской философии.

Задачи:

1) рассмотрение концептуалистской средневековой проблематики в контексте феноменологической тематизации положений вещей и выявление предпосылок формирования проблемы значения этого понятия в его средневековых аналогах у Петра Абеляра, Гильберта Порретанского и Дунса Скота. В итоге должны быть прояснены основные хроно-логические тенденции раннего и позднего концептуализма;

2) анализ тематизации понятия «положение вещей» в ранней феноменологии Э. Гуссерля и прояснение концептуалистского характера онтологического статуса положений вещей в «Логических исследованиях»;

3) анализ проблематики положений вещей в рамках мюнхенской реалистической феноменологии и выявление соотношения хроно-логических тенденций реалистической феноменологии мюнхенской школы и ранней феноменологии Гуссерля в связи с соотношением реализма и концептуализма;

4) анализ хроно-логики дескриптивного и интерпретативного понимания положений вещей в онтологической герменевтике М. Хайдеггера.

Методологические основания.

В виду неоднозначности различных понятий в феноменологии Гуссерля в её историческом развитии, нужно прояснить значения этих понятий именно в его раннем периоде творчества, что может быть осуществлено посредством *герменевтического метода*, основанного на анализе оригинальных текстов, относящихся к разным периодам развития феноменологии Гуссерля. То же самое относится и к текстам средневековых мыслителей и Хайдеггера.

Соответствие значений понятия «положение вещей» и его средневековых аналогов можно раскрыть в силу применения *сравнительно-исторического метода* в сочетании с *методом языкового анализа*. Анализ же сознания как хроно-логики и исследование основных причин тенденций мышления в различных формах философского дискурса, могут быть осуществлены в ходе применения *феноменологического метода*. Наконец, относительно выявления оснований тенденций мышления в различных формах дискурса в истории философии, будет использован *методологический аспект понятия «хроно-логика»*.

Новизна исследования заключается в том, что в нём:

- 1) исследуется история анализа проблемы положений вещей в связи с *феноменологическим характером сущности самой этой проблематики* и утверждается феноменологический характер исследований положений вещей в схоластическом концептуализме;
- 2) выявляется *концептуалистский* характер онтологического статуса положений вещей в ранней феноменологии Гуссерля;
- 3) утверждается, отдельный и первичный статус понимания в сравнении с интерпретацией, или, другими словами, нередуцируемое различие дескриптивного и интерпретативного способов понимания, в отличие от их соотношения в «Бытии и времени» Хайдеггера;
- 4) тематизируется сознание в качестве *хроно-логики* и на основе этого понятия разрабатывается историко-философская методология исследования оснований тенденций мышления в различных формах философского дискурса в истории философии.

Научно-практическая значимость исследования определяется как его историко-философским аспектом, так и собственно проблемой положений вещей и хроно-логикой их дескрипции и интерпретации. Кроме того, практическая значимость определяется ещё и возможным применением теоретических результатов исследования для анализа причин возникновения, функционирования или кризиса разного рода мировоззрений и идеологий как интерпретаций.

Апробация работы.

Различные аспекты диссертационного исследования были изложены автором в докладах на *международной научно-практической конференции «Современная философия в поисках сущностей и смыслов»* (Екатеринбург, 2001), *международной научной конференции «Философия Канта и современность»* (Днепропетровск, 2004), *научной конференции «Философия Канта и цивилизационные вызовы нашего времени»* (Москва, 2005), *международной научно-практической конференции «Философия: вызов современности»* (Екатеринбург, 2005),

международной научно-практической конференции «Модусы времени» (Санкт-Петербург, 2005).

Структура и объём работы представляют собой четыре на 9.7 п.л. (на 132 страницах). Глава I состоит из 3-х параграфов, из которых §1 разделён на преамбулу и два подпараграфа. Глава II состоит из 2-х параграфов, из которых второй состоит из 4-х подпараграфов. Глава III – из 5-ти параграфов и глава IV – из 2-х параграфов. Библиография включает 97 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, устанавливается степень разработанности проблемы, выявляется её значимость для историко-философского и собственно философского познания, формулируются цель и задачи исследования, а также определяются принципы методологического подхода к обозначенной проблеме

В **Главе I «Концептуалистская средневековая проблематика в контексте феноменологической тематизации положений вещей»** осуществляется анализ предпосылок формирования проблемы значения понятия «положение вещей» в его средневековых аналогах периода ранней схоластики у Петра Абеляра, и Гильберта Порретанского и в периоде поздней схоластики у Дунса Скота. В результате проясняются основные хроно-логические тенденции раннего и позднего концептуализма, и становится очевидной феноменологичность проблематики положений вещей в схоластическом концептуализме.

В **подпараграфе 1.1 «Предварительное рассмотрение понятия “Sachverhalt” для разработки контекста концептуалистской проблематики положения вещей» из §1 «“Статус” и “Концепт” Петра Абеляра»** анализируется этимология и значение понятия «положение вещей» (Sachverhalt), появившееся, как таковое, в истории философского дискурса в рамках феноменологической проблематики начала XX в., хотя значения, идентичные тому, каким обладает понятие «Sachverhalt» в феноменологии этого периода, существовали у определённых понятий употреблявшихся некоторыми средневековыми мыслителями концептуалистского толка. Поэтому аналогичные «положению вещей» понятия средневекового концептуалистского дискурса анализируются в контексте феноменологической проблематики. Здесь упоминаются исследования этого понятия у К. Штумпфа и А. Майнонга в связи с преодолением последними концепции «онтологического реизма» Ф. Brentano. Понятие «Sachverhalt» сравнивается с синонимичным понятием «Sachlage» и выясняется большая степень пригодности первого для анализа нозтической составляющей положений вещей как объективных коррелятов наших суждений. Также здесь уточняется то, что понятие «самоданность» (Selbstgegebenheit) непосредственно коррелирует с принципом возвращения «к самим вещам». Если у Канта само

явление вещи есть результат действия наших познавательных способностей, то основной принцип феноменологии Гуссерля предполагает, что в интуитивном акте восприятия вещь *дана сама*, как она есть, без конституирующей деятельности сознания. Вещь просто различается и, уже, будучи различённым феноменом, она подвергается дальнейшему опыту понятийного синтеза. В «осуществлении значения» (*Bedeutungserfüllung*) у Гуссерля, синтез происходит спонтанно без каких-либо априорных структур сознания. Положения вещей, наличествующие относительно данной конкретной вещи, являются *самоданными* и различёнными. Впрочем, Кант также говорит о «спонтанности синтеза». Но, во-первых, согласно Канту, синтезу подвергается наглядное представление вещи, которая, в качестве *феномена*, уже *опосредована* априорными формами чувственности. А во-вторых, чистое понятие рассудка, под которое подводится наглядное представление в синтетическом единстве апперцепции, имеет априорный характер. В случае же спонтанного синтеза у Гуссерля, понятие, синтезируемое с различием, имеется в силу предыдущего опыта различений и синтеза, или, другими словами, предыдущей хроно-логики положений вещей в их самоданности. В связи с этим, Н.В. Мотрошилова замечает, что «феноменами в гуссерлевском (затем и в Хайдеггеровском) толковании становятся “единицы” сознания, благодаря которым с очевидностью и полнотой даётся выражаемое в них предметное содержание; *Sachverhalt* само себя раскрывает, обнаруживает, “говорит” с человеком через посредство феномена». Далее вкратце рассматриваются основные определения и сущностные признаки положений вещей, приведённые в «Логических исследованиях» (*ЛИ*) Гуссерля и в некоторых текстах А. Райнаха. В конце подпараграфа 1.1 сделаны выводы относительно некоторых ключевых понятий и различений:

1. Положение вещей в феноменологической проблематике представляет собой особый вид предметности наряду с различными видами предметности самих вещей: материальных, идеальных (числа, фигуры, ценности, значения, качества, отношения и т.п.), психических (акты сознания как таковые, вне зависимости от их содержания), воображаемых (фантазмы), феноменов памяти и др. При этом, положения вещей могут включать в свой фактический состав вещи любого другого вида предметности и самих себя (положения вещей с положениями вещей). Здесь, при употреблении слова «предметность», нужно иметь в виду, что предметом (познания) у Гуссерля может одинаково быть реальное и идеальное, вещь или событие, долженствование и ценность.

2. *Относительно интенции сознания, положение вещей* – это объективный предметный коррелят актов суждений, имеющий *онтологический статус*, не зависящий от деятельности нашего сознания.

3. Положения вещей, в отличие от существующих самих вещей, предметов и процессов (которые, в свою очередь, могут быть названы ходом вещей, что одновременно является и положением вещей) могут только *наличествовать*, но не существовать.

4. *Наличие* положений вещей в статусе предметности, отличном от любого другого вида предметности (реальной, идеальной, процессуальной, психической), определяет необходимое наличие положений вещей *онтологически противоположных* наличным положениям вещей. При этом существование самих вещей и предметов, онтологически противоположных данным, просто невозможно.

5. Сами вещи и предметы непосредственно даны нам только *в опыте различения*, в отличие от положений вещей, которые могут быть не только *различены*, но и *идентифицированы, познаны, поняты, описаны и интерпретированы*.

6. Положения вещей, согласно Гуссерлю, обладают свойством *самоданности* (Selbstgegebenheit), предполагающем *спонтанную* синтетическую деятельность сознания в восприятии положений вещей. При этом синтез различия и понятия не предполагает наличия неких чистых априорных категорий рассудка (собственно как и чистых форм созерцания). Понятие, с которым идентифицируется различие, имеет исключительно опытное происхождение (из более раннего, чем данная идентификация, опыта).

В подпараграфе 1.2 «Различение, статус и концепт у Абеляра» уже в контексте феноменологической проблематики понятия «Sachverhalt», в качестве аналогичного по значению «положению вещей», рассматривается понятие «status» и коррелирующее с ним понятие «hoc est» («это вот», «вот есть», в связи с чем Хайдеггер проводил параллель между этим понятием и своим «Dasein») из «Логики для начинающих» Петра Абеляра. В связи с этим рассматривается тематизация непосредственного опыта различения в средневековом концептуализме, являющаяся одной из основных причин обращения именно к этому периоду и направлению в истории философии.

При этом обнаруживается, что обращение к положениям вещей, т.е. их «статусам», осуществляется Абеляром в большей степени открытости непосредственному опыту различений, чем это имеет место в феноменологии XX в. Одной из основных причин этого факта является его феноменологическое понимание времени как «нашей способности различения происходящего». Здесь, рассуждения Абеляра соответствуют основной стратегии рассмотрения времени в «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерля. Объективное же время он рассматривает как, по сути, «воображаемое установление общества» у К. Касториадиса. Кроме того, тематизация непосредственного опыта различения связана с концептуалистским решением проблемы универсалий у Абеляра. Именно потому, что универсалия не вообще всё, а особенное это – «hoc est», проблема универсалий у Абеляра, выражающаяся в теории присвоения общего

имени конкретной вещи, предполагает непосредственный опыт различения *вот этого* особенного. В соответствии с чем, в абеляровой концептуалистской хроно-логике отсутствует явная тенденция преобладания какой-либо из её составляющих (хроники или логики), что могло бы привести к деформации непосредственного опыта сознания в его интерпретациях. Однако кроме аналогичности значений «положения вещей» и «статуса», предварительно выясняется концептуалистский характер онтологического статуса «положений вещей» у Гуссерля в период вплоть до *Идей I*.

В §2 «Соответствие “quod est” и “quo est” Гильберта Порретанского и конципирование положений вещей» рассматривается соответствие значений раннефеноменологического понятия «Sachverhalt» и совокупности понятий «quod est» и «quo est» у Гильберта Порретанского. «Quod est» Буквально переводится как «что есть», означавшее у него «то, что есть нечто в этой вот его конкретности». «Quo est» буквально переводится «потому есть». У Гильберта оно имело значение как «то, благодаря чему», т.е. как некая общая природа, благодаря которой конкретная вещь есть именно *эта* вещь и, благодаря чему она подобна, как именно *эта*, всем вещам того же вида. Мы различаем в опыте конкретной вещи её «quod est», которое таково в силу конкретизировавшегося и индивидуализировавшегося в ней «quo est». Схватываемое нами в концепте «quo est» этой вещи, позволяет нам придать ей видовое и родовое имя и, соответственно, различить и описать сущностное положение вещей относительно этой вещи. А также положения вещей имеющие случайный характер. И корреляционные положения вещей между этой вещью и другими вещами.

В результате делается вывод о том, что концептуалистское решение проблемы универсалий, у основных представителей концептуализма ранней схоластики, не только актуализирует проблематику различения, схватывания (идентификации), понимания и интерпретации положения вещей, но и позволяет проводить анализ постижения видовой предметности и подобия вещей на явном или неявном основании непосредственного опыта различения. Кроме того, понятие концепта у Гильберта Порретанского, впрочем, как и у Абеляра, коррелирует с понятием «интенционального предмета», который может быть интендирован в любом качестве акта и принадлежать к любому типу предметности. Что только ещё раз подтверждает предположение о концептуалистском характере онтологического статуса положения вещей у раннего Гуссерля. В свою очередь, возможность более-менее свободного доступа к первичному опыту сознания в рамках концептуализма, свидетельствует об отсутствии ситуации явной логической деформированности (то есть доминанции логоса, или детерминированности хроноса-различения логосом-синтезом) раннеконцептуалистской хроно-логики. Однако чтобы осуществить различение вещи как принадлежащей определённому виду, Гильберту нужно было предположить отдельное существование «общей природы». Впрочем, наличное бытие этой субсисти-

рующей природы всегда индивидуализировано в конкретном «quod est». И в этом моменте Гильберт Порретанский скорее ближе к Дунсу Скоту, нежели к Абеляру, для которого не нужно было предполагать отдельного статуса сущности или общей природы. Общая природа у Абеляра всегда была сопряжена с наличным бытием конкретной вещи, но она могла, как пишут С. Неретина и А. Огурцов в работе «Пути к универсалиям», «онтологизироваться» в ситуации её различения и направленной на неё интенции.

В §3 «**“Однозначность бытия”» и “haecceitas” Дунса Скота**», рассматривается феноменологическая проблематика положений вещей в связи с понятием «haecceitas» Дунса Скота, которое явилось, по сути, производным от абелярова «hocest», хотя Скот и не ссылаясь на Абеляра, как на «забытого к XIII в. еретика». Становится очевидным, что тенденция логического синтеза в концептуалистской хроно-логике Дунса Скота более сильна, нежели у Абеляра. «Haecceitas» обычно переводят как «этовость» или «этость». У Скота оно означало также как у Гильберта Порретанского, индивидуализированную «общую природу» вещей одного вида. И она также схватывается в концепте посредством «действующего интеллекта» в «первичной интенции». Вторичная же интенция привносит в концепт результат понятийного синтеза, осуществляющегося «возможным интеллектом».

Естественно Дунс Скот далёк от реалистских позиций относительно сущности и «общей природы» вещей, что делает его, согласно Жильсону, меньшим платоником, чем Фома Аквинский. Но всё же у него различение видов вещей возможно, на основе признания реальности сущности, или общей природы (общей субстанции), хотя и непременно детерминированной тем, что он называл «haecceitas». В то время как Абеляр проводил такое различение только на основе непосредственного опыта сознания относительно вещей, отрицая при этом любые онтологические предпосылки тождества значений и общей сущности. В такой онтологической предпосылке тождества сущностей, Дунс Скот ближе к реалистической феноменологии А. Райнаха и А. Пфендера, нежели к ЛИ Гуссерля. Впрочем, как отмечает В.И. Молчанов, для Гуссерля также характерна такая предпосылка тождества, в силу первичности интенции в последовательности «интенция – опыт различения». Но всё же имеется определённая парадоксальность ситуации Гуссерля, в которой первичность тождества и синтеза, как источника тождества, утверждается через анализ нетематизированных, но всё же повсеместно присутствующих в тексте *ЛIII* дескрипций опыта различения. Позиция Скота относительно проблематики положения вещей более сопоставима с реалистской феноменологией мюнхенской школы, в отличие от позиции Абеляра, которая ближе к гуссерлевому анализу интенциональных актов. Возможно, именно в связи с более явной, чем у Абеляра, логической тенденцией своей концептуалистской и даже, в определённом смысле, умеренно-реалистской хроно-логики, Дунс Скот, в его различении философии и теологии, отдавал предпочтение последней, поскольку она

по определению подразумевает предпосылку тождеств значений таких понятий как «бог», «душа», «дух» и пр. То есть таких синтетических понятий, за которыми неразличим непосредственный и очевидный опыт сознания.

В главе II «Тематизация понятия «положение вещей в ранней феноменологии Э. Гуссерля» исследуется анализ и употребление этого понятия в I-м и II-м томах «Логических исследований», а также осуществляется сравнительный анализ значений основных понятий в *ЛИ* со значениями аналогичных понятий в других текстах как самого Гуссерля, так и Платона, и Абеляра. При этом проясняется характер онтологического статуса положений вещей в *ЛИ*.

В §1 «Тематизация «положения вещей» в I-м томе *Логических исследований*» анализируется соотношение понятий «положения вещей» (в русском переводе I-го тома *ЛИ*: «соотношения вещей») и «истины в себе» в связи с гуссерлевым проектом «чистой логики». Проясняются «ноэтические условия» положений вещей и их онтологический статус.

В подпараграфах 2.1 «Видовая предметность Гуссерля и “статус” Абеляра» и в подпараграфе 2.2 «”Виды” в *Логических исследованиях* и “эйдосы” в *Меноне*» из §2 «Тематизация “положений вещей” во II-м томе *Логических Исследований*» исследуется соотношение понятия «общий предмет» из *ЛИ* Гуссерля и понятия «эйдос» раннего Платона из диалога «Менон», а также соотношение понятия «эйдос», или «сущность» из *Идей I* и понятия «идея» из текстов зрелого периода Платона. А также соответствие значений понятий «Sachverhalt» в *ЛИ* Гуссерля и понятия «status» в «Логике для начинающих» Петра Абеляра. В этих подпараграфах выясняется, что гуссерлевы «общие» или «видовые» предметы из *ЛИ* могут быть сопоставлены только с понятием «эйдос», означавшим у раннего Платона, не то, чему «подобны» вещи одного вида, в силу их «причастности» эйдосу, а то, что делает их «неотличимыми» друг от друга в том, в чём они являются именно *этими* вещами одного *этого* вида. Общее здесь является неизменно индивидуализированным в конкретной вещи, что «схватывается» в положении вещей с этой вещью. Как видно, здесь имеется полная аналогия понимания природы видовой предметности и положений вещей в концепциях раннего Платона, Абеляра, и Раннего Гуссерля. В подпараграфе 2.3 «Положение вещей и проблема деноминации» на материале исследований швейцарско-французского медиевиста А. де Либера (исследования которого широко использовались в главе о средневековом концептуализме) рассматривается соотношение средневековой проблемы присвоения видовых имён и эта же проблема относительно гуссерлевых актов «идеации». В последних, конкретная вещь может соотноситься с видовой предметностью, в силу чего, ей присваивается общее или видовое имя. Что и фиксируется в суждении о положении вещей относительно данной вещи. Такое соотношение онтологичности положения вещей, или «статуса» (в абеляровом смысле) конкретной единичной вещи с самой этой вещью, когда видовое имя присваивается на основании конкретного опыта её различения,

позволило нам сделать окончательный вывод о концептуалистском характере онтологического статуса того, что Гуссерль называет «положением дел» во II-м томе ЛИ. Равно как и о таком же характере феноменологической хроно-логики дескрипции и интерпретации положений вещей у «раннего» Гуссерля. В **подпараграфе 2.4 «Положение вещей и “онтологический поворот мышления, исходящего из очевидности (Evidenzgedanke)”»** ведётся речь о том, что понятие «положение вещей» («положение дел») во II-м томе ЛИ у Гуссерля относится к тому виду предметности, наличие которого имеет онтологический статус, не зависящий от сознания, хотя и ничего не говорится о том, что имеется отдельный, самостоятельный уровень бытия этого вида предметности. К тому же в связи с основной интенцией феноменологии, такой уровень бытия полагаться не может, в силу ограничения сферы тетических актов областью непосредственной данности сознания, не смотря на заявленный Гуссерлем, в III-м логическом исследовании, «онтологический поворот мышления». Однако этот «поворот» не предполагает систематической онтологии, но только онтологический статус положений вещей, всегда данных с очевидностью в конкретной вещи и в конкретной ситуации. То есть положение вещей всегда дано как определённая сингулярность.

В **главе III «Тематизация положений вещей у представителей реалистической феноменологии»** проводится анализ проблематики положения вещей в рамках мюнхенской реалистической феноменологии и выявление соотношения хроно-логических тенденций феноменологии этой школы и ранней феноменологии Гуссерля в связи с соотношением реализма и концептуализма. В **§1 «О значении понятия “реалистическая феноменология”»** даётся общее представление о реалистической феноменологии, зародившейся в среде мюнхенского психологического кружка Т. Липпса. Здесь идёт речь о том, что название «реалистическая», или, – что ещё встречается в литературе, – «реалистская», восходит к мнению Гуссерля о том, что его мюнхенские последователи «погрязли в онтологическом реализме» вследствие того, что большинство из них отказалось принять метод феноменологической редукции и не приняли поворота к трансцендентальной феноменологии в *Идеях*I.

В **§2 «Онтологическое a priori и “положение вещей” Адольфа Райнаха»** выясняется, что у этого автора, как и у Гуссерля, утверждается онтологический статус «наличия» положения вещей, и это утверждение основано на невозможности мыслить их иначе, чем они даны в их очевидности. Однако Райнах, в своём специальном исследовании значения понятия «положение вещей» проводит такие различия положений вещей (модальность, неэкзистенциальность и пр.) со всеми остальными видами предметности, которые Гуссерль не тематизировал. Очевидно также и то, что эти различия проводятся Райнахом в большей степени на онтологических, нежели на феноменологических основаниях, подразумевающих дескрипцию опыта и большую степень тематизации непосредственных различий, анализ которых более очевиден у

Гуссерля и Абеяра, нежели у Райнаха. В соответствии с чем делается вывод о более логическом и синтетическом характере хроно-логики положений вещей у Адольфа Райнаха. В §3 **«Положения вещей в “Логике” Александра Пфендера»** рассматривается анализ «положений вещей» в тексте «Логика» Пфендера и выявляется их независимый от деятельности сознания онтологический статус, с необходимостью сопряжённый с конкретной вещью. Кроме того, Пфендер, в отличие от Райнаха, тематизировал различие внутрисубъектных и реляционных положений вещей, первые из которых относятся к сущности самой вещи как таковой, вторые же, к соотношению этой вещи и какой-либо другой (или других). В §4 **«Положение вещей в онтологической иерархии Дитриха фон Гильдебранда»** идёт речь о том, что сущность априорной предметности и в частности априорные положения вещей у Гильдебранда, анализируются в рамках достаточно разработанной онтологической системы, в отличие от Райнаха и Пфендера, не говоря уже о Гуссерле. Расположенность исследования внутри такой системы, подразумевает и большую степень возможности полагания собственного онтологического уровня априорно-сущностных положений вещей и идеальной предметности вообще. И в этом он ближе к Платону зрелого («Федон»), нежели раннего («Менон») периода, в отличие от концептуализма Абеяра и дескриптивной феноменологии «Логических исследований».

В §5 **«Хроно-логика ранней феноменологии: между концептуализмом и реализмом»** говорится о том, что с одной стороны очевиден явно онтологический мотив исследований положений вещей мюнхенскими феноменологами, но с другой стороны, они, как и Гуссерль, за исключением, возможно, Гильдебранда, ничего явно не говорят о существовании отдельного онтологического уровня или сферы бытия положений вещей. К тому же видовая предметность или сущностно-априорные положения вещей всегда даны только как конкретные сингулярности, присущие определённой вещи, получающей своё видовое имя согласно этой видовой или сущностно-априорной предметности. И тут прослеживается не реалистский характер онтологического статуса этих предметностей, но скорее, концептуалистский, как и у Гуссерля в период, ограничивающийся *Идеями I*. Впрочем, у реалистских феноменологов нет в этом полного согласия. Например, тенденция исследований Гильдебранда является более онтологически ориентированной, чем у Райнаха или Пфендера. Напротив, у последних заметна более феноменологически ориентированная тенденция анализа разного рода положений вещей. Поэтому, феноменологию Гильдебранда можно всё-таки с большим основанием считать реалистической, а точнее реалистской, в отличие от, более концептуалистской феноменологии Райнаха и Пфендера. Но общая методологическая, позиция последних, в свою очередь, более онтологична, нежели у Гуссерля. Соответственно, если хроно-логику Гуссерля относительно онтологического статуса положения вещей, можно назвать концептуалистской, то хроно-логика Райнаха и Пфендера скорее соответствует тому, что называется «умеренным реализмом». В то время как

позиция Гильдебранда ближе всех к классическому реализму и, в свою очередь, в большей степени соответствует названию «реалистическая феноменология». Однако чем более феноменологически ориентирована методология исследования положений вещей, тем менее «деформируется» непосредственный опыт сознания. И тем в большей степени хроно-логика этого исследования ближе к дескриптивному пониманию и в меньшей к интерпретации, выходящей за границы очевидности самих вещей.

Глава IV «Различение, понимание и интерпретация в хроно-логике онтологической герменевтики и в феноменологии» посвящена анализу и исследованию понятия «хроно-логика» в контексте опыта различения, дескрипции и интерпретации положений вещей в рамках онтологической герменевтики и её соотношения с раннефеноменологической и концептуалистской проблематикой положения вещей. При этом «онтологическая герменевтика», разработанная в рамках «фундаментальной онтологии» Хайдеггера, рассматривается здесь как следствие радикальной модификации феноменологического метода Гуссерля. Впрочем, максима феноменологического метода Гуссерля, заключающаяся в исследовании исходящем из наиболее очевидно данного, характерна и для «Бытия и времени», поскольку исследование Хайдеггера начинается с рассмотрения сущностных экзистенциалов *Dasein*, которые для Хайдеггера более очевидны, чем акты сознания. Хайдеггер вообще предпочёл не использовать и «растематизировать» понятие сознания, как «замутняющее» суть дела (положение вещей) с «фактичностью» *Dasein*, в которой нам дана «усреднённая самопонятность бытия».

В §1 «Понимание и/или интерпретация в феноменологии и онтологической герменевтике» достаточно последовательно выводится понятие «хроно-логика» через детальную проработку определённых фрагментов в основном «Бытия и времени», а также «Феноменологии внутреннего сознания времени», «Критики чистого разума» и небольшого отрывка из текста «Позиция сознания и история» (*Bewustseinstellung und Geschichte*) графа Йорка фон Вартенбурга. Большое значение здесь имеет анализ понятия времени, которое, будучи не более чем нашей способностью различения и метафорой длительности переживания происходящего как положений вещей, является первой составной частью хроно-логики как непосредственного способа существования сознания в мире. Здесь становится очевидной необходимость тематизации сознания относительно хайдеггера «бытия-в-мире» (*In-der-Welt-Sein*), которым всегда и является *Dasein*.

Проясняется также и методологический аспект понятия «хроно-логика» состоящий в том, что смещение тенденции её проявления в конкретном философском (и любом другом) дискурсе к доминации одной из двух её составляющих, определяет лого- либо антилогоцентричность (хроноцентричность) этого дискурса как следствие его смещения к интерпретациям, деформирующим непосредственный опыт различения самих вещей и дескриптивное понимание их

положений. Опять же прояснить всё это можно при условии понимания неизбежности тематизации сознания и действительно наличествующего положения вещей с ним. Поэтому в §2 «Растематизация сознания и логическая асимметрия хроно-логики онтологической герменевтики» более обстоятельно анализируются причины того, почему Хайдеггер избегал понятия «сознание» и не признавал действительности того, что оно означает. В итоге, исследование во II-й главе показывает, что первичность истолкования положений вещей в онтологической герменевтике утверждается за счёт замещения сознания, как непосредственного опыта различения, экзистенциалами Dasein. Введение же в онтологическую герменевтику первичного опыта различения было бы возможно только при условии тематизации сознания. Если же мы обнаруживаем в этой герменевтике замещение первичного опыта сознания понятийными конструкциями наших сущностных экзистенциалов, то можно сказать, что в герменевтико-онтологической хроно-логике в определённой степени доминирует её логическая составляющая. Что, в свою очередь, усиливается определённой онтологизацией времени.

В **Заключении** говорится, что обращение к «положениям вещей» через анализ непосредственного опыта различения и понятийного синтеза, всегда осуществлялось в рамках феноменологической проблематики, поскольку полное прояснение сути проблемы «положений вещей» требует феноменологического метода. Это выявилось на основании того, что сущность проблемы положений вещей становится очевидной только в ходе обращения к непосредственному *доинтенциональному* опыту различения и основанному на нём интенциональному опыту понятийного синтеза. В дальнейшем тексте заключения, обобщаются результаты решения каждой из четырёх заявленных во введении задач настоящего исследования.

Список опубликованных работ по теме:

1. *Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определённом ВАК:* Положение вещей и «сами вещи» в ранней феноменологии и в «герменевтике фактичности»: хроно-логика понимания и интерпретации // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки, выпуск 2. № 48, 2007. С. 169-188 (1 п.л.).

Другие публикации:

2. Феноменологичность с-мысла в онтологическом статусе языка // Современная философия в поисках сущностей и смыслов. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург: «Издательство Уральского университета», 2001. С. 74-78 (0.2 п.л.).
3. «Трансцендентальная аналитика» и феноменологическая проблематика в структуре хронолога. // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Соціологія. Філософія. Політологія». Дніпропетровськ РВВ ДНУ, 2004. С. 334-339 (0.37 п.л.).

4. Трансцендентальная проблематика Канта в структуре хроно-логоса // *Философия И. Канта и цивилизационные вызовы нашего времени*. Материалы научной конференции. М.: «Издательство РАГС», 2005. С. 65-68 (0.33 п.л.).
5. Темпоральность «фактической жизни» в феноменологической проблематике // *Модусы времени. Социально-философский анализ. Серия «Социальная аналитика». Вып.5.* Санкт-Петербург, 2005. С. 114-121. (0.41 п.л.).
6. Понимание, дескрипция, интерпретация положения вещей и различение // *Философия: вызов современности. Материалы международной научно-практической конференции.* Екатеринбург: «Издательство Уральского университета», 2005. С. 184-189. (0.35 п.л.).

Подписано в печать _____

Формат 60 x 84 1/6

Бумага типографская

Усл. печ. л. 1,0.

Тираж 100.

Заказ № _____

Печать офсетная

Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ.